

*«We may lose and we may win though we will never be here
again »*

Eagles, «Take It Easy»*

* «Проиграем или победим — сюда мы больше не вернемся» — строка из песни «Take It Easy» группы «Eagles», слова Дж. Брауна и Г. Фрея. (Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примечания переводчика).

Женевское озеро, 1816 год

Водорастворимая реальность

Дождь лил целую неделю; все вокруг — скалы, берег, деревья, лодки на озере — потеряло очертания и слилось в сплошную серую массу. Густой туман плавал даже в нашем доме, построенном, вероятнее всего, из камня. Окно или дверь возникали из белого облака, словно призраки. Каждый предмет утрачивал твердость и становился жидкой копией самого себя. Одежда не высыхала. Когда мы входили в дом, а входить приходилось — ведь надо же выбираться на улицу, — вместе с нами проникала влага. Намокшая кожа, сырая шерсть, от которой разило овцами. На моем нижнем белье появилась плесень.

Сегодня утром я решила пойти гулять нагишом. Что толку в хлюпающей от воды одежде? Обтянутые тканью пуговицы так набухли от влаги, что вчера я не смогла расстегнуть платье, и меня буквально вырезали из него ножницами! Утром кровать насквозь промокла, будто я всю ночь обливалась потом. От моего дыхания стекла покрылись белой дымкой. В камине, где еле теплился огонь, уныло шипели поленья. Я не стала тебя будить и тихонько спустилась по лестнице. Обнаженная. Мокрые ноги скользили по ступеням.

Я открыла входную дверь. На улице лил дождь: монотонно, безучастно. Он шел уже семь дней — не меняя темпа, не усиливаясь и не угасая. Земля больше не могла впитывать влагу и сделалась похожей на переполненную губку: гравийные дорожки тонули в воде, по ухоженному саду текли

ручьи, принося к калитке лужи густой черной грязи. Сегодня я отправилась на холм позади дома в надежде поймать просвет в тумане и увидеть лежащее внизу озеро. Я взбиралась вверх по склону и размышляла о том, как трудно жилось нашим предкам без огня, а часто и без крова. Они были детьми природы, завораживающей первозданной красотой и щедростью, — и безжалостной в своих проявлениях. Как тяжело приходилось разуму без слов, точнее до их появления! Однако именно слова, из которых складываются наши мысли, способны терзать нас больше любых капризов природы. С чем можно сравнить... Нет, сравнения тут совершенно неуместны! Каково это — быть бессловесным существом, уже не зверем, но еще не человеком?

Вот я — кожа в мурашках, зубы стучат от холода. Жалкое создание — мой нюх не сравнится с собачьим, моим ногам не угнаться за быстрым скакуном, без крыльев мне не воспарить к не видимым глазу ястребам, чьи крики слышны внизу. Ни плавников, ни хотя бы русалочьего хвоста, чтобы противостоять разгулявшейся стихии. Я заметила мышку, юркнувшую в расщелину. Даже этому зверьку природой дано больше. Человек — самое ничтожное существо, единственный дар которого — способность мыслить.

В Лондоне я чувствовала себя неудобно, то ли дело здесь, на озере, или в Альпах, где ничто не отвлекает от размышлений. Жизнь в Лондоне — вечная гонка за ускользающим будущим. Зато тут время течет спокойно и плавно, и кажется, будто нет ничего неосуществимого и возможно все. Мир на пороге чего-то нового. Мы сами творим свою судьбу. И хоть я не изобретаю машины — я воплощаю мечты.

Жаль, я не завела кошку...

Я смотрела вниз на крышу нашего дома. Видневшиеся сквозь завесу дождя трубы дымоходов торчали на ней, словно уши исполинского зверя. По моей коже прозрач-

ными бусинами катились капли воды. Я будто вышита нитями дождя. Есть нечто прекрасное в украшенной влагой наготе: покрытые сверкающими каплями соски, словно у богини дождя, волосы на лобке — темный треугольник, истекающий водой.

Дождь усилился, с неба обрушился водопад. Вода просочилась сквозь веки, и я начала тереть кулаками глазные яблоки. Кстати, название «глазные яблоки» придумал Шекспир. В какой же пьесе?

«...пусти тогда в глаза
Лизандеру сок этой чудной травки:
В ней свойство есть в глазах уничтожать
Постигший их обман иль ослепленье»*.

И тут я кое-что увидела. По крайней мере, мне так показалось. Выше по склону холма быстро двигалась огромная фигура в лохмотьях. Повернувшись ко мне спиной, существо карабкалось вверх. Движения уверенные и в то же время не очень ловкие — как у щенка, которому трудно управляться со слишком крупными лапами. Я собралась окликнуть странный силуэт, но, признаюсь, не сумела побороть страх.

И вдруг видение исчезло.

Если это заблудившийся турист, то он, скорее всего, вышел бы к нашей вилле. Однако гигант убежал прочь, словно уже обнаружил ее и решил двигаться дальше. Я возвращалась в тревожном настроении: либо мне все привиделось, либо я действительно видела страшную фигуру. Оба варианта смущали одинаково. Я тихонько вошла в дом, на сей раз с черного хода и, дрожа от холода, поднялась по винтовой лестнице. На верхней площадке стоял мой супруг. Я приблизилась к нему нагая, как библейская Ева, и в глазах мужа мелькнула искра желания.

* У. Шекспир «Сон в летнюю ночь», акт 3, сцена 2. Перевод Н. Сатина. В оригинальном тексте Шекспир придумывает словообразование *eyeballs*, дословно «глазные яблоки».

- Я ходила гулять, — произнесла я.
- Голая?
- Да.

Он дотронулся до моего лица и негромко продекламировал:

«Какая сущность твоего сложенья?
Тьмы чуждых образов живут в тебе.
У всех одно лишь тени отраженье,
А ты один вмещаешь все в себе»*.

Вечером все расселись у камина. В комнате царил полумрак. Свечей не хватало, и, пока шел дождь, добыть их не было никакой возможности.

Что, если наша жизнь — плод воспаленного воображения? Что, если окружающий мир — лишь тень, а материя неподвластна зрению, осязанию или слуху, но мы каким-то образом воспринимаем ее? И почему тогда эта призрачная реальность столь ужасна, что от нее бросает в холодный пот? А вдруг мы на самом деле не живы, но и не мертвы? И существуем в состоянии, которое нельзя описать словами «жизнь» или «смерть»? Я всегда этого страшилась, и считаю, что лучше жить, как можешь, и не бояться смерти. Я убежала с будущим мужем в семнадцать и последние два года чувствую, что по-настоящему жива.

* * *

*Летом 1816 года поэты Шелли и Байрон, а также врач Байрона, Полидори**, Мэри Шелли*** и ее сводная сестра*

* Здесь и далее У. Шекспир «Сонет 53». Перевод М. Чайковского.

** Джон Уильям Полидори (1795–1821) — английский писатель и врач итальянского происхождения. Известен как автор первой новеллы о вампире, «Вампир» (1819).

*** Мэри Шелли (урожденная Мэри Уолстонкрафт Годвин, 1797–1851) — английская писательница. Дочь Мэри Уолстонкрафт (1759–1797), писательницы, одной из основоположниц феминистского движения, и Уильяма Годвина (1756–1836), философа и писателя.

Клер Клермонт, ставшая к тому времени любовницей Байрона, арендовали два дома на берегу Женевского озера в Швейцарии. Байрон жил на большой вилле «Диодати», а чета Шелли поселилась в скромном, но очаровательном домике, расположенном чуть ниже по склону холма. Вскоре об этой компании стали ходить дурные слухи: их обвиняли в сатанизме, разврате и обмене сексуальными партнерами. В отеле на противоположном берегу озера даже установили телескоп, чтобы постояльцы могли наблюдать за якобы устраиваемыми на вилле дикими оргиями.

Полидори был действительно влюблен в Мэри Шелли, но она не ответила ему взаимностью. Возможно, Байрон и состоял в сексуальной связи с Перси Шелли, однако никаких свидетельств об этом нет. Что касается Клер Клермонт, она была готова лечь в постель с любым из них, но на вилле «Диодати» стала партнершей Байрона. Компания была неразлучна. А потом начались затяжные дожди.

* * *

Мой супруг обожает Байрона. Каждый день они катаются по озеру на лодке и беседуют о поэзии и свободе, а я стараюсь избегать Клер, с которой совершенно не о чем говорить. Да и от Полидори, который ходит за мной, как побитая собака, лучше держаться подальше. Когда начался проливной дождь, катание на лодке пришлось отменить. К тому же, благодаря идущему стеной ливню, на нас не смогут пялиться с другого берега. В городе ходит слух, будто бы один из постояльцев отеля разглядел, что на террасе нашей виллы сушится с полдюжины нижних юбок. На самом деле там висело постельное белье. Байрон хоть и поэт, однако предпочитает жить в чистоте.

Теперь мы вынуждены сидеть взаперти, только вместо тюремных надзирателей нам не дает выйти на улицу море воды. Желая хоть как-то развлечься, Полидори прихватил из соседней деревни молоденькую девушку. Влаж-

ные постели нам, конечно, не помеха, но все-таки следует упражнять не только тело, но и ум.

Тем вечером мы сидели у дымящего камина и рассуждали о сверхъестественном.

— Меня завораживают виды старинных развалин, залитых лунным светом, — признался Шелли. — Каждое здание несет в себе отпечаток прошлого, и эти воспоминания можно оживить, если оказаться рядом в нужное время.

— Но когда настает нужное время?

— Это зависит от того, кто именно хочет обратиться к воспоминаниям. Некоторых из нас время использует как проводников для связи с прошлым. Таковы, например, медиумы, способные общаться с душами умерших.

— Мертвых уже не вернуть, — возразил Полидори. — Если у нас и есть душа, то после смерти она улетает безвозвратно. Как ни пытайся, труп в морге не оживить. Ни сейчас, ни в будущем.

— Каждого преследуют его собственные призраки, и этого более чем достаточно для любого человека, — мрачно произнес Байрон. Он атеист и не верит в загробную жизнь.

Клер промолчала, ей нечего было сказать.

Слуга принес вина. Какое счастье, что помимо воды существуют иные жидкости!

— Знаете, мы как будто утонули и погрузились в толщу вод, — улыбнулся Шелли.

Все молча пили вино. Пляшущие тени на стенах создавали свой собственный загадочный мир.

— А мне кажется, что мы словно в Ковчеге, ждем, когда закончится Всемирный потоп, — отозвалась я.

— Интересно, о чем говорили люди, запертые в жаркой духоте Ковчега, смердящей животными? — съязвил Байрон. — Может, им чудилось, будто весь мир окутан слоем воды подобно зародышу в материнской утробе?

— Помню, когда я учился, нам показывали склянки с человеческими эмбрионами на разных стадиях раз-

вития! — взволнованно перебил Полидори (он вообще часто перебивает). — Все выкидыши. Пальчики на ручках и ножках скрючены, защищаясь от неизбежного, глаза закрыты от света, увидеть который им не суждено.

— Нет! Еще до рождения человеческое дитя видит свет, — возразила я. — Кожа на растущем животе матери растягивается, пропуская лучи, и младенец в утробе радостно поворачивается к солнцу.

Шелли посмотрел на меня с теплой улыбкой. Когда я была беременна Уильямом, муж просил меня сесть на край кровати, и, когда я выполняла его просьбу, он вставал на колени и обнимал мой живот с таким благоговением, словно держал в руках редчайшую книгу, которую еще не читал. «Там целый мир в миниатюре», — говорил он. Помню, однажды утром, когда мы с мужем сидели на солнце, я ощутила, как малыш толкнул меня ножкой, вызвав от радости.

Однако Полидори — медик и все видит иначе.

— Я хотел сказать, — несколько обиженно заговорил Полидори (сам он обожает перебивать, но терпеть не может, когда перебивают его). — Я хотел сказать, — с нажимом повторил доктор, — неважно, есть душа или нет, но момент, когда в человеке просыпается сознание, до сих пор остается загадкой. Откуда, спрашивается, сознание у эмбриона?

— Мальчики становятся разумными быстрее девочек, — вступил Байрон.

— И что же натолкнуло вас на эту мысль? — не выдержала я.

— Мужское начало сильнее и развивается быстрее, чем женское. Доказательства тому мы во множестве видим в жизни.

— Мы видим, что мужчины держат женщин в подчинении, — возмутилась я.

— У меня у самого дочь. Тихое и покорное существо, — отмахнулся Байрон.

— Аде нет и полугода! И потом, вы ее очень давно не видели. Все младенцы, и мальчики, и девочки, заняты единственно тем, что спят и сосут молоко. Пол тут ни при чем! Это чистая биология!

— Увы, я думал, что родится прекрасный мальчик. И если уж мне было суждено стать отцом девочки, то пусть хотя бы удачно выйдет замуж, — вздохнул Байрон.

— Неужели удачное замужество — смысл всей жизни? — изумилась я.

— Для женщины? Конечно! — уверенно кивнул Байрон. — Для мужчины любовь — лишь одна из граней жизни, а для женщины — вся ее жизнь.

— Знаете, моя мать, Мэри Уолстонкрафт, с вами не согласилась бы.

— *Она хотела лишить себя жизни из-за несчастной любви*, — напомнил Байрон.

Гилберт Имлей... Обаятельный авантюрист. Ловкий, хитрый делец. Заранее понятно, чего стоит ожидать от такого! (И почему это столь частая история?) В Лондоне моя мать прыгнула с моста, а ее пышные юбки взбухли на воде парашютом. Мама не погибла. О, нет, это случилось позже, когда она родила меня.

Шелли почувствовал мою боль и душевное смятение.

— Прочитав книгу твоей матушки*, я проникся ее идеями, — проговорил он, глядя не на меня, а на Байрона.

Как же я люблю своего супруга за те слова, которые он впервые произнес, обращаясь ко мне, шестнадцатилетней девчонке, гордой дочери Мэри Уолстонкрафт и Уильяма Годвина, и снова повторил сегодня:

— Работа твоей матушки превосходна.

* Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин», 1792 г. (Примечание автора.)

— Хотела бы я написать что-нибудь, достойное ее пера, — печально отозвалась я.

— И почему мы так стремимся оставить после себя хоть какой-то след? — спросил Байрон. — Неужто дело лишь в тщеславии?

— Нет, — качнула головой я, — дело в надежде. Мы надеемся, что однажды возникнет человеческое общество, где восторжествует справедливость.

— Такого не будет никогда, — уверенно возразил Поллидори. — Только если стереть каждого человека с лица земли, и пусть потом род людской возникнет снова.

— Стереть каждого человека с лица земли? — задумчиво повторил Байрон. — Почему бы нет? Что снова возвращает нас к идее Ковчега. Бог все верно задумал. Новое начало.

— И все же он спас восемь человек. Ведь надо было заселять землю заново, — заметил Шелли.

— Нас тут как раз на половину Ковчега наберется, — засмеялся Байрон. — Четверо посреди бушующих вод.

— Нас пятеро, — уточнила Клер.

— Ах, да! — спохватился Байрон.

— В Англии, вслед за Америкой и Францией, вспыхнет революция, а потом, я уверен, человечество возродится заново! — воскликнул Шелли.

— А как избежать того, что последует за революцией? Мы уже видим, какие беды разразились во Франции. Во-первых, Террор, когда каждый доносил на соседа, а во-вторых, и сам Тиран. Разве Наполеон Бонапарт лучше короля? — недоумевала я.

— Французская революция не принесла людям ничего, — грустно заключил Шелли. — И вот народ желает видеть во главе сильного человека, который обещает дать им то, чего у них нет. Как можно рассуждать о свободе, когда в твоём желудке пусто?

— Уж не думаете ли вы, что, обеспечив каждого достойными деньгами, работой, образованием и отдыхом, избавив от притеснений сверху и от боязни протестов снизу,